

**ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ РЕЧИ РЕБЕНКА
В РОМАНЕ ГАРИ-АЖАРА «ЖИЗНЬ ВПЕРЕДИ»**

Л. А. Свирид

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, lucie_sv@tut.by*

Статья посвящена использованию приема олицетворения как одного из важнейших приемов художественной выразительности речи ребёнка в романе известного французского писателя Р. Гари (Э. Ажара) «Жизнь впереди». Активное использование разнообразных стилистических средств стало особенностью этого романа. Олицетворение является маркером возраста главного героя и отражает специфику восприятия ребенком окружающей действительности.

Ключевые слова: олицетворение; персонификация; словообразование; детская речь; метафора.

**PERSONIFICATION AS A MEANS OF ARTISTIC EXPRESSIVENESS
OF A CHILD'S SPEECH IN GARY-AZHAR'S NOVEL «LIFE AHEAD»**

L. A. Svirid

*Belarusian State University,
K. Marx str., 31, 220030, Minsk, Republic of Belarus, lucie_sv@tut.by*

This article examines the use of personification as a key technique in conveying the artistic expressiveness of a child's speech in the novel "Life Ahead" by the renowned French writer R. Gary (E. Ajar). The active use of various stylistic devices has become a feature of this novel. Personification is a marker of the age of the main character and reflects the specifics of the child's perception of the surrounding reality.

Key words: personification; word formation; children's speech; metaphor.

Ромен Гари – известный французский писатель второй половины XX века, перу которого принадлежит более 30 романов, рассказов и новелл. Р. Гари единственный автор, получивший две Гонкуровские премии: в 1956 году за роман «Корни неба» и в 1975 году за роман «Жизнь впереди», написанный под псевдонимом Эмиля Ажара.

Роман «Жизнь впереди» («*La vie devant soi*») – небольшое по объему произведение, которое впечатляет глубиной содержания, выразительной и оригинальной формой повествования.

Роман написан в 1974 году в период кризиса во Франции, когда страна переживала экономический спад, рост иммиграции из бывших французских колоний и усиление социальных противоречий. Иммиграция, бедность и маргинальность – центральные темы романа, отражающие реалии 70-х годов XX века во Франции.

Главный герой повествования – арабский мальчик-сирота Мухаммед (Момо), сын проститутки и сутенера. В романе описывается его жизнь в приюте мадам Розы, пожилой еврейки польского происхождения, бывшей узницы Освенцима, а также быт других жителей Бельвиля, одного из самых неблагополучных кварталов Парижа, где проживают выходцы из африканских и азиатских стран.

Книга написана в форме развернутого монолога главного героя мальчика Момо. Выбор детской речи как нарративного приема позволил Гари дистанцироваться от своего привычного стиля и создать оригинальное произведение, которое способно тронуть и увлечь читателя. По мнению В. Харченко, доктора филологических наук, автора «Словаря современного детского языка» [1], отмечала: «Живая речь детей – это чистый и яркий свет творчества в постижении мира» [2]. Это утверждение также верно и для романа Гари «Жизнь впереди». Момо – ребенок, но рассуждает как взрослый, и выдает его только детски-наивная манера изложения. Момо живет в ужасных условиях, но, не зная других, воспринимает все как норму. Соответственно, и его речь определяется средой, в которой он находится. Так происходит переосмысление многих понятий и реалий. Речь Момо эмоциональна, характеризуется употреблением многочисленных эпитетов, сравнений, алогизмов, олицетворений, наличием слов с яркой экспрессивной окраской, а также неприличных жаргонных словечек.

В данной статье рассматривается олицетворение, как один из ключевых приемов передачи особенностей речи ребенка в романе.

Согласно «Литературному энциклопедическому словарю», олицетворение – это литературный прием, особый вид метафоры: перенесение человеческих черт (шире – черт живого существа) на неодушевленные предметы и явления [3, с. 259].

Многие ученые, такие как Ф. И. Буслаев [4], Л. В. Щерба [5], В. В. Виноградов [6] и др. занимались исследованием средств выразительности художественного произведения. По анализу приема олицетворения в 1996 году была защищена кандидатская диссертация С. К. Константиновой [7].

В своем исследовании С. К. Константинова утверждает, что «на первом месте по количеству употреблений олицетворения находится группа признаков, обозначающих эмоциональное состояние... Олицетворение помогает человеку не только понимать, но и чувствовать жизнь окружающего мира, являясь одним из проявлений способности к эмпатии.» [7, с.121]. Р. Гари в своем романе выбрал прием олицетворения как один из основных, так как именно в спонтанной речи детей персонификация встречается чаще, чем у других возрастных групп. Этот прием делает текст образным и эмоционально насыщенным. В детской речи, как в случае Момо, олицетворение помогает передать специфику детского воображения и особенности восприятия окружающей действительности ребенком.

Момо, в силу возраста и недостатка образования, воспринимает все буквально и, например, персонифицирует болезни: «Il avait horreur du choléra, qui n'était pas hygiénique et aimait la saleté. Moi je connais pas le choléra mais je pense que ça peut pas être aussi dégueulasse que Madame Lola le disait... Des fois même j'avais envie de défendre le choléra parce que lui au moins c'est pas sa faute s'il est comme ça, il a jamais décidé d'être le choléra» [8, p. 143] – «Она терпеть не могла холеру за то, что та против гигиены и любит грязь. Я не знаком с холерой, но думаю, что она не может быть такой сволочной, как говорит мадам Лола... Мне даже хотелось вступить за холеру, потому что та, по крайней мере, не виновата, что она такая, она отродясь не думала стать холерой» [9, с. 553].

С законами природы и общества Момо борется, как с настоящими врагами. Выражения «les lois de nature qui s'attaquaient à elle de tous les côtés» [8, p. 87] – «законы природы навалились на нее со всех сторон» [9, с. 520], «elle nous avertissait que si l'hôpital s'en emparait, on allait tous nous trouver dans la légalité à l'Assistance publique...» [8, p. 102] – «она предупреждала нас: если ею завладеет больница, то Общественное презрение всех нас тут же узаконит...» [9, с. 529], «je n'avais pas l'âge qu'il faut pour échapper à la loi contre les mineurs» [8, p. 171] – «у меня не было и возраста, позволяющего спастись от закона против несовершеннолетних» [9, с. 571] подкрепляют мысль о том, что законы условны и не всегда справедливы, с точки зрения ребенка.

Олицетворяя понятие времени, Момо наделяет его характеристиками, которые меняются во взаимодействии с каждым из героев, тем самым выявляя их жизненную позицию. В случае, когда Момо, сидит в подворотне и ждет, когда пройдет день его рождения, он думает, что «время старше всего на свете и потому плетется еле-еле» [9, с. 530]: «Le temps est encore plus vieux que tout et il marche lentement» [8, p. 103]. Превосходная

степень прилагательного «старый» и наречие «медленно» передают мучительное ожидание героя.

Для месье Хамиля время – это символ спокойствия и размеренности: «Le temps vient lentement du désert avec ses caravanes de chameaux et qu'il n'était pas pressé car il transportait l'éternité» [8, p. 44] – ‘время приходит из пустыни со своими караванами верблюдов и не торопится, потому что везет вечность’ [9, с. 563]. Сравнение течения времени с караваном верблюдов передает также национальный колорит.

Прием персонификации широко применяется в описании внешности героев. О мадам Розе Момо говорит: «elle se maquille beaucoup mais ça sert à rien de vouloir se cacher à son âge» [8, p. 33] – ‘она сильно красится, но ей уже бесполезно прятаться от возраста’ [9, с. 487], «Madame Rosa avait des cheveux gris qui tombaient eux aussi parce qu'ils n'y tenaient plus tellement» [8, p. 20] – ‘У мадам Розы были седые волосы, которые то и дело выпадали, потому что не держались за свое место’ [9, с. 479], «Quand Madame Rosa sourit, elle devient moins vieille et moche que d'habitude car elle a gardé un sourire très jeune qui lui donne des soins de beauté» [8, p. 134] – ‘когда мадам Роза улыбалась она становилась не такой старой и уродливой. Так как она сохранила очень молодую улыбку, которая и наводит ей красоту’ [9, с. 548], «elle n'avait pas de taille et les fesses chez elle allaient directement aux épaules sans arrêter» [8, p. 74] – ‘у нее не было талии и ее зад переходил в плечи без остановки’ [9, с. 512]. Особое внимание Гари уделяет глазам, как зеркалу души человека. Так, описывая месье Хамиля, Момо говорит: «Monsieur Hamil a de beaux yeux qui font du bien autour de lui» [8, p. 10] – ‘глаза у него мировецкие – такие, что творят вокруг добро’ [9, с. 474], «M. Hamil paraissait tout triste. Ses yeux qui faisaient ça. C'est toujours dans les yeux qui sont les plus triste» [8, p. 51] – ‘Мсье Хамиль казался очень грустным. Это глаза делают так. Из глаз всегда смотрит печаль’ [9, с. 494], «ses yeux qui cherchaient des secours, ce sont les yeux qui en ont le plus besoin» [8, p. 140] – ‘глаза у него так и молили о помощи, потому что глаза больше всего в ней нуждаются’ [9, с. 585].

Момо находится под присмотром мадам Розы, бывшей проститутки, которая после «выхода на пенсию» организовала приют для детей уличных женщин. Но здоровье ее ухудшается, и Момо это объясняет по-своему: «Madame Rosa allait bientôt être atteinte par la limite d'âge» [8, p. 79] – ‘Мадам Розу настигал предел возраста’ [9, с. 515], «son sang assumait son service et arrivait à la tête comme prévue» [8, p. 250] – ‘ее кровь неплохо справлялась со своими обязанностями и добиралась до головы как полагается’ [9, с. 618], «Madame Rosa avait toute sa tête et même davantage» – ‘У мадам Розы голова варила как полагается и даже лучше’ [8, p. 194], «sa tête était en vadrouille» [8, p. 171] – ‘ее мозги где-то шлялись’ (букв. ‘ее голова

где-то блуждала' – Л. С.) [9, с. 571], «L'escalier avec ses six étages était devenu pour elle l'ennemi public numéro un. Un jour, il allait la tuer, elle en était sûre.» [8, p. 79] – 'Лестница стала для нее врагом номер один. Когда-нибудь она доконает мадам Розу, та была в этом просто уверена' [9, с. 515], «Elle se réveillait en hurlant parce que chez moi c'était un rêve mais chez elle ça devenait un cauchemar et elle disait toujours que les cauchemars, c'est ce que les rêves deviennent toujours en vieillissant» [8, p. 69] – 'Она с воплями просыпалась, ведь если у меня это была мечта, то у нее это превращалось в кошмар: она всегда говорила, что мечты, когда стареют, непременно становятся кошмарами.' [9, с. 509], «la vie l'a traitée quoi» [8, p. 134] – 'заездила ее жизнь (букв. 'так с ней обошлась' – Л. С.) [9, с. 548], «la vie ne se plaisait pas beaucoup chez elle» [8, p. 130] – 'жизнь чувствует себя неуютно в ней' [9, с. 545].

Прием персонификации мы встречаем и в описании интерьера «еврейского убежища» мадам Розы, куда она, гонимая воспоминаниями об Освенциме, уходила во время приступов паники и страха: «Les murs, c'était que des pierres qui sortaient comme des dents et ils avaient l'air de se marrer» [8, p. 38] – 'Из стен, как зубы, торчали кирпичи, и стены словно ухмылялись' [9, с. 491].

Момо, как все дети, остро нуждается в любви и заботе. Поэтому он создает себе друга из старого зонтика, которому он приделывает голову и наряжает в одежду: «Le plus grand ami que j'avais à l'époque était un parapluie nommé Arthur que j'ai habillé des pieds à la tête. Arthur était habillé comme unijambiste avec un soulier de basket bleu et blanc, un pantalon, un veston à carreaux» [8, p. 76] – 'Самым верным другом был мне в ту пору зонтик по имени Артур, которого я нарядил с ног до головы. Артур, как одноногий, был в одном кеде, синим с белым, в брюках, в клетчатом пиджаке...' [9, с. 513].

Об утреннем времени Момо говорит: «c'était très tôt le matin, quand le jour est encore sur la pointe des pieds» [8, p. 60] – 'это было рано утром, когда день подкрадывается на цыпочках' [9, с. 504].

Следует отметить, что персонификация встречается чаще в первой половине романа, когда Момо маленький. Но, по мере взросления главного героя, его лексика меняется и прием олицетворения встречается намного реже.

Таким образом, в романе Гари-Ажара «Жизнь впереди» олицетворение является ключевым стилистическим приемом, отражающим особенности детского восприятия главного героя. Олицетворение не только подчеркивает возрастные характеристики персонажа, но и усиливает эмоциональную насыщенность текста. Анализ примеров из романа демонстри-

рует, как олицетворение болезней, времени, законов природы и даже предметов быта передает спонтанность и наивность детской речи и одновременно с этим подчеркивает трагизм существования маргинальных слоев общества.

Библиографические ссылки

1. Харченко В. К. Словарь современного детского языка. Москва : Просвещение, 1998.
2. Харченко В. К. Начинаешь с внимания к детской речи – а становишься великодушнее к ребенку; беседу вел А. Олейников // *Первое сентября*. 2011. № 10 [Электронный ресурс] URL: <https://ps.1sept.ru/article.php?ID=201101028> (дата обращения: 29.04.2025).
3. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Советская энциклопедия, 1987.
4. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959.
5. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград : Наука, 1974.
6. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. Москва : Высшая школа, 1959.
7. Константинова С. К. Олицетворение в художественном тексте: семантические и грамматические аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Белгород, 1996.
8. Gary R. *La vie devant soi*. Paris : Mercure de France, 1975.
9. Ажар Э. Жизнь впереди // Гари Р. *Избранное*. Рига : Полярис, 1994. С. 473–636.
10. Андреев А. Целостный анализ литературного произведения. Минск : БГУ, 1995.